

**ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РЫНОЧНОЙ
ОРТОДОКСИИ: НА ПУТИ К ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

**POLITICAL AND ECONOMIC ALTERNATIVE OF THE MARKET
ORTHODOXY: APPROACHING A POST-CLASSICAL PARADIGM**

*ВЕДИН Н.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории
КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева. E-mail: nick_vedin@mail.ru*

*VEDIN N.V., Ph.D., Professor of Economics, Kazan Technical University,
Tupolev Air Craft Institute. E-mail: nick_vedin@mail.ru*

Аннотация

В статье анализируются проблемы возрождения и развития политической экономии. Особое внимание уделяется вопросам преемственности, осмыслению места и значения советской школы политэкономии в общей эволюции классической теории. Анализируются истоки кризиса современной экономической теории и исследуются условия постклассического развития политической экономии.

Abstract

The paper analyzes the problems of the revival and development of political economy. Special attention is paid to the continuity, understanding of the role and importance of Soviet school of political economy in the general evolution of classical theory. Origins of the crisis of modern contemporary economic theory are analyzed and conditions of Postclassic development of political economy are studied.

Ключевые слова: политическая экономия, неоклассика, экономическая картина мира, научный кризис, постклассическая парадигма, сотрудничество, конкуренция.

Keywords: political economy, neoclassic, the economic picture of the world, scientific crisis, post-classical paradigm, cooperation, competition.

Состоявшийся 16-17 апреля 2012 года (г. Москва) Первый международный политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии [2] стал знаковым событием в жизни научного сообщества. Острота поставленных проблем и сам ход их обсуждения свидетельствуют о завершении

двадцатилетнего периода растерянности и непротивленческого отношения политэкономов¹ к засилью рыночной ортодоксии в научно-исследовательской и образовательной сфере России. К этому обязывают не только научная принципиальность и понимание фундаментальной роли политэкономии в системе экономических знаний, но и коренные национальные интересы выстраивания научно обоснованной стратегии социально-экономического развития.

Нельзя также сбрасывать со счетов растущую неудовлетворенность студентов, особенно в западных университетах, содержанием учебных курсов, построенных по канонам экономикс. В выступлении участников конгресса (А.В. Бузгалина и А.И. Колганова) приводится красноречивый факт своеобразной забастовки студентов Гарвардского университета, которые коллективно ушли с лекции профессора Г.Мэнкью, автора широко известного учебника «Экономикс». Аналогичная ситуация имела место во Франции, где студенты опубликовали в газете «Mond» открытое письмо, под которым впоследствии поставили подпись тысячи студентов из разных стран. Ниже приведенный текст письма содержится в статье А.И. Московского [3]:

«Открытое письмо студентов, изучающих экономическую теорию, профессорам и другим лицам, ответственным за преподавание этой дисциплины. Мы, студенты-экономисты разных стран мира, заявляем, что мы принципиально не удовлетворены получаемым нами преподаванием экономики. Для этого имеются следующие причины:

1. Мы хотим вырваться из выдуманного мира!

Подавляющее большинство из нас выбрало изучение экономической теории для того, чтобы максимально глубоко понять те феномены экономики, с которыми сегодня сталкиваются граждане. Однако то обучение, которое мы получаем, в большинстве своем состоящее из неоклассической теории или подходов, производных от нее, в целом не отвечает нашим ожиданиям. Даже тогда, когда теория обоснованно абстрагируется на первом этапе от случайностей, она в дальнейшем не возвращается к их объяснению. Фактическая сторона (исторические факты, функционирование институтов, изучение поведения и стратегий агентов...) почти не существует. Более того, этот отрыв преподавания от конкретных реалий создает огромные проблемы для тех, кто хотел бы быть в дальнейшем полезен для экономических и социальных акторов.

2. Мы против бесконтрольного использования математики.

Инструментальное использование математики является необходимым. Но математическая формализация, когда она является не инструментом, а, скорее, чем-то самодостаточным, ведет к настоящей шизофрении по

¹ В широком смысле, учитывая общие корни основных научных направлений, — марксистской теории и неоклассики, выросших (подобно тому, как русские писатели из «гоголевской шинели») из английской классической политэкономии, — все они подпадают под это название. Но в последующем классическая линия предельно отчетливо прослеживается в марксизме, сохранившем приверженность теории трудовой стоимости, примату производства, эзотерическому методу и классовому подходу, что вполне оправдывает определение этой теории как политэкономической. Что же касается либеральной теории, то ее унаследованным от классики «брендом» является, пожалуй, только *homo economicus*.

отношению к реальному миру. Формализация упрощает конструирование неких моделей и манипулирование с ними, польза от чего ограничена нахождением «хорошего результата» (т.е. такого результата, который логично вытекает из первоначальной гипотезы) для того, чтобы иметь возможность написать «хороший материал». Этот обычай, под предлогом претензий на научность, помогает лишь оценивать и выбирать [некоторые варианты. – Доп. переводчика], но никогда не отвечает на вопросы, которые мы ставим в отношении современных экономических дискуссий.

3. Мы выступаем за плюрализм подходов в преподавании экономической теории.

Преподаватели слишком часто не оставляют места для рефлексии. Из множества существующих подходов к экономическим проблемам нам, как правило, дается только один. Данный подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средствами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма подходов, адекватного многообразию и сложности объектов и неоднозначности решений, характерных для большинства больших проблем экономики (безработица, неравенство, место финансовых рынков, достоинства и недостатки свободной торговли, глобализации, экономическое развитие и т.д.).

4. Обращение к преподавателям: проснитесь, пока не поздно!

Мы понимаем, что наши преподаватели сами являются объектом определенного принуждения. Тем не менее, мы обращаемся ко всем тем, кто понимает наши интенции и хочет изменений. Если серьезные реформы не будут проведены в ближайшее время, существует огромный риск, что студенты, чья численность уже сокращается, начнут отказываться от изучения экономической теории в массовом порядке, но не потому, что у них нет к ней интереса, а потому, что их отрезают от изучения реальности и проблем, существующих в современном мире. Мы не хотим более иметь эту навязанную нам аутистическую науку. Мы не просим невозможного, но только преобладания здравого смысла. Мы, таким образом, надеемся быть услышанными. Очень скоро»².

Полагаем, экономическая наука не имеет права проигнорировать данный призыв.

В этой связи представляется вполне логичным, что одной из главных идей, обсуждаемых на Конгрессе, стала объективная востребованность классической политической экономии с ее уникальными предметно-теоретическими и методологическими возможностями в современном мире. Здесь на первый план выходят вопросы содержательного обновления данной теоретической системы, отвечающего социально-экономическим новациям

² Одним из результатов этого студенческого движения стало открытие Интернет-журнала «Real World Economics Review», материалы которого публикуются на сайте: <http://www.paecon.net/PAERreview/>

мирового развития. К этим вопросам, имеющим ключевое значение, мы обратимся во второй части статьи.

Другим ракурсом этой проблемы является тезис о необходимости *возрождения* политэкономии. Очевидно, что обсуждение данного положения было бы неплодотворным вне контекста преемственности, предполагающего определенный уровень осмысления места и значения советской школы политэкономии в общей эволюции классической теории. Учитывая, что на протяжении двух десятков лет в России и других постсоциалистических странах формировалось негативное отношение к политэкономии вообще и особенно к политэкономии социализма, задача эта весьма непростая.

Возрождение политической экономики не сводится к вопросам восстановления ее позиций в научных исследованиях и учебных программах. Тем более что позиции, которые политэкономия занимала в советском научно-образовательном пространстве, вряд ли заслуживают усилий по их реанимации. По большому счету они не были подкреплены крупными научными достижениями и прорывными концептуальными идеями. Неафишируемый статус официальной науки оказал медвежью услугу политэкономам, обеспечив им, с одной стороны, относительно безбедное существование в среде с контролируемым научным творчеством, а с другой - оградив их от мирового научного дискурса и сузив до предела возможности критической рефлексии и переосмысления забронзовевших истин.

Ограниченность набора инструментов анализа социально-экономической реальности в сочетании с идеологическим прессингом способствовали кумулятивному нарастанию нерешенных проблем и ошибочных положений, что, безусловно, снижало познавательный потенциал и практическую отдачу теории, но никак не отражалось на ее официальном статусе. Как говорил Э.Фромм применительно к специфике социальных наук, «ошибочные результаты и поверхностные выводы часто бывают гораздо желательнее (для реализации идеологических задач), чем правда, которая всегда является своего рода «динамитом», угрозой существующему status quo» [5, с. 192].

Видимо, отдельного обсуждения заслуживает та роль, которую сыграли советские политэкономы (многие из них впоследствии превратились в беспощадных критиков научного сообщества, к которому они сами еще совсем недавно принадлежали) в эволюции теории Маркса. Мы сознательно применили термин «эволюция», учитывая присущее этому процессу противоречивое единство восходящего и нисходящего потоков движения. Восходящий поток подразумевает переосмысление существующих и формирование новых подходов и теоретических конструкций с учетом меняющейся реальности. Нисходящий представлен попытками интерпретации новых явлений и тенденций (либо их игнорированием) с неизменных теоретико-методологических позиций. В эту же рубрику следует отнести обедняющее, а иногда и искажающее данную теоретическую систему приспособление вырванных из контекста отдельных ее положений, принципов, подходов к текущим идеологическим нуждам. Как следствие,

нарастает дистанция между малоподвижной теорией и перманентными изменениями реальной действительности.

Трудно не согласиться с негативной в целом оценкой вклада советской политэкономической школы в *развитие* марксизма. В соответствующих высказываниях преобладают эпитеты «догматизация», «искажение», «вульгаризация» и т.п. Нет необходимости воспроизводить широко известные критические оценки в адрес предшественников. Как нам представляется, больший интерес представляет вопрос о том, имел ли место *восходящий* поток в использовании марксовской теории? Полагаем, что да, хотя он и не доминировал. Прежде всего, он представлен значительным массивом методологических и философско-экономических изысканий отечественных философов и экономистов, а также политико-экономическим анализом современного монополистического капитализма и экономических систем развивающихся стран. Игнорировать эти разработки было бы несправедливо и неконструктивно.

Исследователям еще предстоит дать непредвзятую оценку некоторым теоретико-методологическим разработкам в политэкономии социализма, особенно в части дискуссионной проблематики. Центральное место в этих обсуждениях занимала дискуссия по проблеме двойственности социалистической экономики, поскольку на нее прямо или косвенно замыкались прочие фундаментальные изыскания, касающиеся логики и структуры политической экономии социализма. Отметим только, что разработку проблемы соотношения непосредственно-общественного и товарного производства в условиях плановой экономики можно рассматривать в качестве уникального научного опыта исследования генетически неоднородной экономической системы, содержащей принципиально различные, *в классической политэкономии несовместимые*, способы координации хозяйственной деятельности. Ни до, ни после этих разработок экономической науке неизвестны попытки исследовать указанные формы не изолированно, по отдельности, но в их единстве, взаимодействии и взаимной модификации. Дискуссия, растянувшаяся не на одно десятилетие, была прервана рыночными реформами с ярко выраженным либеральным перекосом в теории и хозяйственной практике. Спорная конструкция экономической неоднородности с доминирующим плановым началом была вытеснена «бесспорной» аксиомой гомогенного, удручающе однообразного рыночного пространства. «Характерное прежде принижение товарно-денежных отношений, – отмечает В.В. Радаев, – сменяется «передачей» им всех регулирующих функций...» [4, с. 119]. Было бы, однако, преждевременным предавать забвению результаты усилий целого научного сообщества, прежде всего в части разработки проблемы неоднородности, учитывая новые тенденции социально-экономического развития современного общества и обостряющийся дефицит объяснительных возможностей практически всех ведущих научных направлений и исследовательских программ.

Не поддается однозначной оценке и практическая отдача политэкономии социализма. Ведь во многом именно эта теория, несмотря на заслуженные упреки в чрезмерной идеологизации и ортодоксальности, сформировала научные основы советской плановой экономики, достижения которой до сих пор обеспечивают жизнеспособность отраслевой структуры народного хозяйства и позволяют России занимать достойное место на геополитической карте мира.

Однако политэкономические исследования, в том числе и марксистского направления, велись не только в СССР, но и во многих других странах, хотя не в таких масштабах и не с той интенсивностью. Они не прекращались и в 90-е годы, продолжают и в настоящее время. Из обширного потока исследований, имеющих политико-экономическое и марксистское притяжение, можно выделить «неомарксизм» (М.Хардт, А.Негри), «критический реализм» (Т.Лоусон, Р.Бхаскар, М.Арчер), «институциональную политическую экономию» (Р.Буайе, Э.Бруссо, О.Фавро), «новую политэкономия» и др. Заметное влияние марксизма ощущается в концепциях постиндустриализма, постэкономического общества, глобальных проблем.

Было бы преувеличением сказать, что эти теории представляют собой действительно творческое развитие (восходящий поток) классической политэкономии и марксовской теоретической системы. Как правило, авторы усиливают или адаптируют антикапиталистический пафос «Капитала» применительно к современным условиям, акцентируя внимание на различных аспектах - изменения в социальной структуре общества, глобальное противостояние капитала и широких масс населения, единство хозяйственных форм и институционально-этических факторов, формирование неэкономической доминанты в мотивации труда и т.д. Но в целом они не затрагивают основополагающих теоретических конструкций Маркса. Естественным образом возникает вопрос о возможности и условиях фундаментальных теоретических новаций, позволяющих говорить о творческом развитии классической теории.

Здесь надо учитывать, на мой взгляд, два обстоятельства. Во-первых, преимущественно эзотерическую природу данной теоретической системы, отражающей реальность на глубоком сущностном уровне. Последний, в свою очередь, обладает повышенной устойчивостью (разумеется, до определенных пределов) к реальным изменениям хозяйственной организации общества. Во-вторых, надо принять в расчет логическую монолитность марксовской теории, - теоретическое здание «Капитала», в отличие, например, от совокупности «коротких логических цепочек» А.Маршалла, выстроено Марксом весьма основательно, практически без логических зазоров. Сколько-нибудь существенные изменения в этой конструкции неизбежно будут замыкаться на ее фундаментальные предпосылки.

Иначе говоря, в мире должны были произойти и системно обнаружить себя глубокие перемены, чтобы на повестку дня встала необходимость пересмотра (развития) классической парадигмы, в том числе ее

марксистской версии, а в научном сообществе сформировалась готовность к такой работе.

Засилье рыночной ортодоксии в образовательных программах, учебной и научной литературе, в практике рыночного реформирования - это безусловно трагедия для российского общества. Но, как это ни парадоксально, данная ситуация предоставляет политической экономии, не связанной какими-либо официальными идеологическими обязательствами и свободной в выборе направлений и содержания междисциплинарного дискурса, исторический шанс для обновления и развития. Состоится или не состоится такой ренессанс политической экономии, в решающей мере зависит от возможности и усилий исследователей по выходу современной экономической теории из тупиков научного кризиса. Решение этой задачи тоже следует рассматривать как социальное обязательство по отношению к обществу и мировой экономической науке, но оно вообще органично для любой научной дисциплины.

Современная теоретическая экономика, мягко говоря, не монолитна по многим параметрам - предмету, способу построения теории (аксиоматический или генетический), проблемному полю, модели человека, риторике, идеологических предпочтениях. Она представлена множеством различных направлений и теоретических систем. Но когда исследователи говорят о критическом состоянии экономической науки, то обычно подразумевается, прежде всего, кризис неоклассики с ее индивидуалистической методологией и аксиоматикой человека экономического (рациональный выбор, полная или ограниченная информированность, устойчивость предпочтений). Степень условности в неоклассической аксиоматике оказалась достаточной для превращения экономической теории в разновидность точной (предельно математизированной) науки, но в то же время чрезмерной для сохранения за ней статуса социальной дисциплины. Предпосылки, лежащие в основе неоклассической модели, настолько асоциальны и нереалистичны, что критическая волна по отношению к данной концепции обозначилась уже с момента ее формирования. Тем не менее, это не помешало рыночной ортодоксии стать доминирующим направлением, обладающим притягательной силой даже для таких направлений, которые первоначально пытались дистанцироваться от нее (например, институционализм, эволюционная теория).

Между тем, именно индивидуализм и модель конкурентного противостояния рыночных агентов блокируют прогностические возможности теории применительно к социальным системам. Последствия рыночных преобразований в постсоциалистических странах, осуществляемых в массе своей по рецептам неоклассики и ее монетаристской версии, продемонстрировали очевидную неадекватность рыночной ортодоксии реальным хозяйственно-экономическим формам. Не случайно наибольшую остроту кризис экономической теории приобрел именно в 90-е гг.

Парадокс в том, что кризисом захвачена не только рыночная ортодоксия, но и оппонирующие направления, в том числе политическая экономия. Попытки противопоставить индивидуалистическому подходу методологический холизм пока нельзя назвать успешными. Следует признать, что принцип холизма, который мыслится как приоритет целостного подхода к исследованию хозяйственной жизни общества, предполагающего социальную детерминацию индивидуального поведения, более труднореализуем и не обладает такой «подкупающей простотой» здравого смысла, как индивидуализм. Не решает проблему и применение системного подхода, который в принципе равнодушен к предметной специфике социальных дисциплин и допускает различные, в том числе и индивидуалистические, системные представления объекта.

Экономисты пока не ушли от понимания, в котором целостность выступает как нечто трансцендентно неопределенное и интуитивно постигаемое, и интерпретировать ее в понятиях и терминах экономической науки пока не удается.

Так, одна из немногих попыток развернутого обоснования и поиска путей реализации системно-целостного подхода в современной литературе предпринята Дж. Ходжсоном. Определяя свою позицию как холистическую, он рассматривает сам холизм как «расплывчатое требование расширения социально-экономической теории настолько, чтобы она охватывала все значимые переменные и элементы. Его [холизм] не следует воспринимать как своего рода кратчайший теоретический путь к осмыслению частей системы без рассмотрения их особенностей и связей между ними» [6, с. 47]. Очевидная осторожность автора в интерпретации данного подхода, судя по всему, объясняется его нежеланием впасть в противоположную крайность - в «утверждение грубого примата общества или институтов над индивидом» [6, с. 57]. Но в таком случае грань между неоклассическим подходом, предполагающим логическое движение от индивидуального поведения к экономическим структурам, и позицией Дж. Ходжсона, *дополняющей* то же самое движение значимыми, по его мнению, социальными свойствами индивида, становится почти неуловимой.

Глубинная причина затруднений в реализации целостного подхода и живучести индивидуализма кроется в том, что индивидуалистический подход унаследован современной экономической наукой от классической политической экономии. При всей глубине идейно-теоретического и методологического расхождения современной политэкономии, включая марксистскую теорию и неоклассический подход, их объединяет общее представление об экономическом мироустройстве - исторически

обусловленная экономическая картина мира, которая рассматривает *реально доминирующую* в индустриальном обществе товарную, вещно-опосредованную форму экономической связи между людьми как *единственно* существующую всеобщую экономическую форму. При этом *иные формы связи* квалифицируются либо как неэкономические, либо архаические, либо локальные.

Методологический индивидуализм не является обычным методологическим инструментом, который обоснован и дан как *предпосылка* исследования. Он обусловлен предметно-теоретически - реализацией той (конкурентно-рыночной) научной картины мира, которая, в свою очередь, детерминирована огромным многообразием культурно-исторических факторов, сложившихся на определенной стадии развития общества. Это значит, что предметное содержание экономической теории в рамках *одномерной* конкурентно-рыночной картины мира с необходимостью организуется по законам индивидуалистической методологии, и попытки применить к этому же предметному содержанию иную методологию (холизм) едва ли будут успешными.

Наиболее отчетливо и последовательно данная парадигма представлена в неоклассике с ее абстрактным «человеком экономическим». Но и у Маркса «экономическая клеточка» раскрывается в товарообменном отношении самостоятельных, независимых друг от друга, расчетливых индивидов. Неадекватность сложившейся в определенных исторических условиях научной (экономической) картины мира новым реальностям и соответствующим теоретическим фактам и является тем фактором, который инициирует кризисное состояние теоретической экономики.

Говоря о постклассической парадигме, мы подразумеваем формирование принципиально иной экономической картины мира, основанной на признании неоднородности экономического пространства как системы сложносоставленных форм экономической связи, - сотрудничества и конкуренции. Термин «сложносоставленные» призван подчеркнуть реализацию «органической модели» экономической неоднородности [1, с. 35-36], основанную на признании принципиальной совместимости различных систем координации и обмена — товарной (конкурентно-рыночной) и нетоварной, основанной на *интерактивном* взаимодействии индивидов, объединенных общим хозяйственным интересом. Одни и те же субъекты являются носителями общехозяйственных и частных, конкурентно-ориентированных интересов. На уровне хозяйства индивидов связывают отношения сотрудничества, на верхнем этаже, на уровне рынка - конкуренции. Альтернативой органической модели является модель

дуалистическая, основанная на признании несовместимости противоположных экономических форм (товарной и непосредственно-общественной). Именно такая, *неработающая*, модель была выстроена в политической экономии социализма.

Общий интерес, в отличие от частного, не наблюдаемое явление, но он органичен для хозяйства как целостного, внутренне сбалансированного производственного организма. Как говорил Н.Бердяев, «общее» в хозяйственном организме первично по отношению к отдельному хозяйствующему субъекту. Функционирование и развитие хозяйства подчинено интересам существования и развития данного сообщества и составляющих его индивидов. Раздвоение экономического бытия человека и сообщества - явление сложное, но абсолютно естественное и жизненно важное для существования человечества. Альтернативой этому феномену является дезинтеграция, распад социума, лишённого «социального клея». Это прекрасно понимали философы Нового времени, создатели теории общественного договора, которые не видели иного способа предупреждения «войны всех против всех», кроме консолидации общества на основе неких общих ценностей, предполагающих наличие сколько-нибудь осознанного общего интереса. Идея экономической неоднородности базируется на признании сотрудничества как фундаментального основания хозяйственной жизни - основания, из которого исторически, *эволюционным* путем вырастают товарный обмен и рыночные институты, не затрагивая существования системы сотрудничества.

Не только обыденное сознание, но и наука далеко не всегда фиксируют этот феномен. Современная либеральная теория принимает во внимание только *стерилизованные* конкурентно-рыночные отношения. Между тем, на рубеже столетий проблемная область экономической науки существенно расширилась за счет включения целого ряда социальных явлений информационно-гуманитарного свойства - знаний, умений, культуры, образования, норм доверия и солидарности, интерактивных коммуникаций, информации, а также механизмов ее инновационного прироста. Суть реальных перемен заключается не только в самих явлениях, которые так или иначе сопровождали человечество на протяжении всей истории цивилизации, но и в полноте и интенсивности их проявления, синхронизации взаимодействия и взаимообусловленности. Включаясь в рыночный оборот, знания и умения, доверие и солидарность превращаются (реально или усилиями теоретиков) в человеческий и социальный капитал, информация — в товар, инновации — в нововведения как инструмент конкурентных

преимуществ. Но эти превращения ни в коей мере не отменяют их нерыночной природы.

Как мы полагаем, основу социально-экономической динамики составляет интерактивное (информационный обмен живой деятельностью — знаниями, умениями, вообще способностями) пространство сотрудничества, обеспечивающее институциональное структурирование общественного хозяйства, согласование общественного и индивидуальных интересов, кооперативные (синергетические) эффекты, а также взаимное изменение (развитие) производительных свойств индивидов и их сообществ. Решение этой задачи востребовано реальной хозяйственной практикой, которая переполнена различными формами сотрудничества, но экономическая наука упорно игнорирует их континуальную природу в народно-хозяйственных масштабах, а в пределе - в глобальной экономике.

Возникает вопрос: какую роль должна сыграть политическая экономия в решении этой задачи? Как нам представляется, ключевую. Дело в том, что политическая экономия и неоклассика с ее ответвлениями подошли к линии кризисной «демаркации» с разным теоретико-методологическим багажом и разными возможностями.

Неоклассика с ее эмпиризмом и абстрактностью практически не обладает свободой маневра в выборе какой-либо иной научной парадигмы. Вряд ли можно оценить как продвижение к новой парадигме современные претензии неоклассики на роль универсальной теории, объясняющей поведенческие акты во всех сферах общественной жизни. Больше эволюционных возможностей у институциональной версии неоклассики (НИЭТ), если учитывать, что неоинституционалисты уже столкнулись с целым рядом проблем, которые не поддаются решению средствами рыночной ортодоксии (дуализм организации и рынка, происхождение и эволюция институтов, проблема согласования разнородных интересов и невозможность рационального общественного выбора, природа инноваций и эволюционных механизмов и т.д.). Определенным потенциалом развития обладает институциональная экономика, более других либеральных направлений восприимчивая к классическим идеям.

Вообще, чем глубже теоретическое проникновение в реальную действительность, тем шире пространство научного поиска и богаче набор альтернативных вариантов развития. И в этом смысле политическая экономия, прежде всего марксистская, обладает неоспоримым преимуществом. Едва ли какая-либо иная теоретическая система с равным основанием может претендовать на роль фундаментальной экономической науки. Само свойство фундаментальности, разумеется, может быть

предметом обсуждений. Но очевидно, что существует комплекс проблем, составляющих удел фундаментальной науки, каковой и является политэкономия: объяснение механизмов и движущих сил социально-экономического и научно-технического прогресса, выявление объективных законов, тенденций и перспектив развития, разработка долгосрочных социально-экономических прогнозов и т.п. Если они не решаются, это не перекрывает путь прикладным исследованиям, но и не обеспечивает их общим освещением и пониманием экономических явлений с точки зрения их структуры, участников, побудительных мотивов и экономических интересов.

Что же касается проблемы экономической неоднородности, то в «Капитале» содержится целый набор не только методологических инструментов, но и теоретических конструкций, которые прямо или косвенно способствуют ее решению притом, что теоретическая система в целом демонстрирует товарно-монистическую картину мира. (Возможно, именно это последнее обстоятельство нейтрализовало предсказательную силу марксовской теории.) Тем не менее, можно сказать, что «Капитал» Маркса «заряжен» теоретическим потенциалом перехода к новой экономической картине мира.

Рамки статьи не позволяют дать развернутую аргументацию различным аспектам проблемы неоднородности. Поэтому ограничимся нетрадиционной постановкой одной из наиболее интересных и наиболее сложных проблем марксовской теории, которая до сих пор не имеет однозначного решения. Речь идет о стоимости. В этой категории все проблематично - ее сущность, продуцирование, субстанция, количественная определенность. Стоимость в марксовской теоретической системе полифункциональна: вокруг нее организуется весь экономический процесс; она инициирует синергию системы и абсорбирует ее эффекты; она является универсальным измерителем результатов деятельности каждого отдельного производителя и всех вместе взятых; она всех уравнивает, но каждому раздает по заслугам.

Можно было бы продолжить данный перечень, но и без того очевидно, что стоимость - это воплощенная целостность, сверхсубъект, искомый инструмент реализации холистического подхода в марксовской модели товарного производства. Парадокс однако в том, что эта целостность дана в свернутом виде, а противостоящие ей «подчиненные» суть обособленные индивиды, замкнутые в своей деятельности. Своей же взаимосвязью в единое целое (в теории) они обязаны только стоимости. Собственно, в своем очерке товарного фетишизма Маркс показал, что стоимость суть отчужденная форма существования собственных сущностных сил производителей. В дальнейшем

становится ясно, что действительным продуцентом стоимости является специфический субъект, которого Маркс называет всеобщей или «всеобщепубличной» рабочей силы. Само это понятие не раскрывается, хотя представляется достаточно очевидным, что речь идет о реально существующем механизме интеграции производительных способностей индивидов посредством взаимного обмена (живой) деятельностью - знаний и умений.

Вне этого общественно-производственного взаимодействия индивидов невозможно ни выравнивание индивидуальных способностей (приведение их к общественно нормальному уровню), ни их дифференциация. Наконец, без взаимного информирования невозможно функционирование рынков. Именно в общей информационной среде производитель «правдами и неправдами» узнает о том, кто, кроме него самого, занимается поставкой данного товара, какое время конкуренты тратят на производство единицы изделия, где и по какой цене они достают сырье, как часто и много ли товара они выносят на продажу и т.д. и т.п. Иначе говоря, за теоретическим занавесом отчужденных форм и автономных, замкнутых на себя, индивидов мы обнаруживаем реальных, открытых для коммуникаций, производителей, обменивающихся информацией и заинтересованных не только в собственной выручке, но и в существовании этого общего хозяйственного пространства, т.к. последнее является условием его собственного благополучия.

При таком понимании категория стоимости занимает приграничное положение в системе «сотрудничество - конкуренция», что позволяет интерпретировать стоимость как превращенную форму сотрудничества. Стоимость, реализуемая на стороне конкуренции, — это категория *затрат* (общественного труда). Стоимость, раскрываемая в системе сотрудничества, есть категория *развития* общественной производительной силы как источника синергетического эффекта системы.

Теоретические выходы на проблематику экономической неоднородности содержатся и в целом ряде положений, касающихся коллективного производства, совокупного труда, обмена внутри процесса производства и т.д. Все это свидетельствует о том, что теоретический потенциал «Капитала» далеко еще не исчерпан.

За рамками работы остается анализ экономической структуры коллективного производства (хозяйства). Но мы будем считать цель достигнутой, если данная статья инициирует обсуждение поставленных проблем.

Литература:

1. Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. - СПб., 2006. - 216 с.
2. Материалы Конгресса представлены на сайте: www.interpolitec.ru.
3. Московский А.И. Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // Экономист. – 2012. - № 1.
4. Радаев В.В. О парадигме экономической теории // Экономическая теория на пороге XXI века. - М.: Юристъ, 1998. - 219 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. - М., 1994. - 392 с.
6. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. - М., 2003. - 247 с.

References:

1. Vedin N.V. Economic heterogeneity of the exchange in the economic evolution of society. - Saint Petersburg., 2006. - 216 p.
2. Reports of the Congress are presented on the site: www.interpolitec.ru
3. Moskovsky A.I. Why are Harvard economists against Gregory Mankew lectures? // The Economist. - 2012. - № 1.
4. Radaev V.V. On the paradigm of economic theory // Economic Theory at the threshold of the XXIst century. - Moscow: Yurist, 1998. - 219 p.
5. Fromm E. The anatomy of human destructiveness / translated from English. - M., 1994. - 392 p.
6. Hodgeson J. Economic Theory and Institutions: A Manifesto of modern institutional economic theories. - M., 2003. - 247 p.